

Густой, горьковатый аромат феромонов альфы накрыл Фу Гэ с головой. Глаза Ци Ханя, покрасневшие и влажные, были полны мольбы и жгучего желания. Маленький бета молча смотрел на него несколько мгновений, а потом медленно шагнул вперёд, входя в комнату.

— Ты вошёл в период повышенной чувствительности, да?

В глазах альфы на мгновение мелькнула растерянность.

Вошёл в этот период?..

Он судорожно вдохнул, пытаясь уловить собственный запах, но от огромной потери феромонов все чувства притупились. Как ни старался, он не мог уловить даже слабого следа аромата.

Тогда он наугад потянулся к воспалённым железам, но стоило надавить, как отложенная боль обожгла мозг, а пальцы испачкались в крови.

— Наверное... — Ци Хань растерянно опустил взгляд, словно потерявшись в собственных ощущениях. — Если честно, я уже почти ничего не чувствую.

Фу Гэ тихо фыркнул, словно посмеиваясь.

— И как мне помочь тебе это почувствовать?

Он медленно стянул с себя просторную больничную пижаму, оставшись лишь в тонкой полупрозрачной рубашке. Ткань мягко облегла тело, подчёркивая плавные линии груди и талии.

Каждый шаг, каждый изгиб — словно молочные капли, стекающие по фарфоровой коже. Лёгкий аромат белой эдельвейса, оставшийся, вероятно, от мыла или одежды, смешивался с горечью феромонов альфы, делая воздух в комнате почти удушающе-сладким.

— А так ты чувствуешь? — шепнул Фу Гэ, пальцы легко скользнули по переносице Ци Ханя, голос был тихим, почти как шорох.

— Или мне подойти ещё ближе?

Дыхание альфы мгновенно сбилось, сердце колотилось так, будто собиралось пробить грудную клетку. Взгляд его стал тёмным и голодным, а на руках проступили вздувшиеся вены.

Но даже сейчас, несмотря на этот болезненный голод, он стоял смирно, как безропотная собака, прижимающая уши в ожидании команды. Хищник, готовый разорвать добычу, но

послушный до безумия, потому что его хозяин ещё не разрешил.

— Ты... пришёл меня успокоить? — голос его был глухим, почти сломленным.

— А как мне тебя успокоить? — шепнул Фу Гэ, мягко, будто поддразнивая.

Фу Гэ склонился ближе, и широко расстёрнутый ворот рубашки открыл мягкую кожу, нежный розовый оттенок которой, мелькая сквозь ткань, сводил альфу с ума.

Никто не знал этого лучше, чем Ци Хань, потому что когда ему было восемнадцать, он не раз, просыпаясь от кошмаров, умолял Фу Гэ успокоить его.

— Так тебе лучше, А-Хань? — мягко спросил Фу Гэ, голос его был тёплым и тихим, будто шёпот в темноте.

— Гэ... — знакомое обращение обжигало сильнее любого феромона. Альфа вздрагивал, не в силах сдержать хриплые всхлипы, и тянулся к нему, как раненый зверь, моля о прикосновении:

— Обними меня... Я хочу, чтобы ты меня успокоил.

— Хорошо, — выдохнул Фу Гэ, раскрывая объятия.

Он мягко прижал Ци Ханя к себе, и тот, коснувшись горячей щекой его груди, задрожал так сильно, что казалось, будто тело не выдержит этого жара.

Он слишком сильно жаждал Фу Гэ. Это был его единственный любимый человек, тот, кто однажды смог успокоить его в моменты, когда боль от повышенной чувствительности разрывала сознание.

И сейчас, когда это желание наконец-то исполнилось, Ци Хань не выдержал и всхлипнул, горячие слёзы медленно потекли по щекам.

— Гэ... я так скучал по тебе.

Фу Гэ только тихо хмыкнул в ответ и мягко запустил пальцы в волосы альфы, ласково взъерошивая их, будто приручая дикого зверя.

Ци Хань тотчас заурчал от удовольствия, зажмурившись, и, почти бессознательно, начал осыпать жадными поцелуями его талию и живот, продвигаясь всё выше и выше.

— Малыш... какой ты у меня хороший... — шептал он, голос срывался, словно бы на грани

между мольбой и бредом.

Фу Гэ тихо рассмеялся и, мягко поглаживая его по голове, промурлыкал:

— Разве я когда-то был другим? Я всегда был таким, А Хань. Ты мог взять меня в любой момент.

Ци Хань порывисто прижал его к себе, руки проникли под рубашку, пальцы жадно скользили по горячей коже, будто боялись, что этот момент вот-вот исчезнет. Но даже так, в подсознании таилась тень страха и неуверенности.

— Нет... — прохрипел он, голос дрожал, будто от холода. — Ты больше не такой... Ты ненавидишь меня.

В их отношениях казалось, что послушный и покорный — это Фу Гэ. Но на самом деле, это был Ци Хань.

Маленький бета всегда знал, чего хочет. Маленький бета всегда любил и ненавидел резко, без колебаний, и потому власть всегда оставалась в его руках.

— Как я могу ненавидеть тебя... — мягко прошептал Фу Гэ, касаясь его щеки. — Я люблю тебя больше всего на свете...

Он расслабился и медленно устроился на его коленях, позволяя Ци Ханю крепко обнять его, жадно целуя шею и за ушком, оставляя горячие следы на коже.

— Тебе плохо, да? Я помогу тебе, — шептал Фу Гэ, нежно поглаживая его по щеке, смотря прямо в глаза. И, медленно приоткрываясь, подставлялся под каждое прикосновение, будто доверяя себя целиком.

— Раньше я всегда думал, что мы — самая счастливая пара на свете. Восемнадцать лет, собственный дом... Бета, которого поместили на всю жизнь, — это ведь должно было быть счастьем, правда?

Он бережно держал лицо Ци Ханя, заглядывая в его заплаканные глаза, голос его был почти шёпотом, мягким и тёплым:

— У нас нет родителей - но ведь это не страшно, правда? Мы и есть семья друг для друга. А если ты захочешь, мы можем взять ребёнка.

— Я бы учил его рисовать, а ты — играть в мяч. Весной я пек бы торты и ждал вас в саду, чтобы вытереть вам пот со лба. А зимой мы сидели бы у тёплого камина и слушали всякие нелепые

истории. Свет был бы мягким и тёплым, и пока малыш спал бы, мы целовались бы украдкой.

Руки Ци Ханя замерли, а в голове одно за другим вспыхивали образы, словно кто-то быстро листал старую плёнку. Сад, тёплый свет, Фу Гэ в окружении цветов... Его сердце замирало от этих картин, и он уже не мог понять, что реально, а что — всего лишь мечта.

Фу Гэ мягко улыбнулся и нежно поцеловал его в лоб.

— Я знаю, что ты боишься уколов, — тихо прошептал он. — И во время повышенной чувствительности ты становишься раздражительным и теряешь контроль. Но ничего страшного.

— Я уберу из дома все острые предметы, чтобы ты не видел их. Даже если придётся пить обезболивающие, или напиваться до потери сознания — я всё равно постараюсь, чтобы ты смог пережить это без боли.

Его голос был тёплым, как солнечные лучи, что пробиваются сквозь осеннюю листву.

Услышав эти слова, альфа окончательно потерял рассудок. Ци Хань, дрожа от переполнявших чувств, всхлипывая, потянулся к губам Фу Гэ, чтобы поцеловать его.

Но в тот самый миг, когда их губы почти соприкоснулись, голос Фу Гэ внезапно похолодел:

— Только вот всё это ты разрушил.

— Господин председатель, — насмешливо прищурился он, подняв взгляд, в котором сверкало злорадство, словно у довольного кота, загнавшего мышку в угол. — Ты ещё на что-то надеешься?

Словно молот обрушился на гонг, и звон ударил в голову Ци Ханю, рассеивая туман.

Фу Гэ смотрел на него холодно и с откровенным наслаждением. Впервые за долгое время он чувствовал себя так остро и живо.

— Что ты ревёшь? — язвительно бросил он, небрежно вытирая слёзы с лица Ци Ханя. И тут же вонзил нож ещё глубже:

— А-Хань, если бы не те четырнадцать дней, ты мог бы получить всё, что захочешь.

— Гэ... я... — губы Ци Ханя дрожали, слова застряли в горле, будто ледяные осколки, обжигающие изнутри. Его трясло от холода, от ужаса, от осознания того, что всё было потеряно. Сердце стучало так, будто его выдирали из груди, разрывая на куски.

— Ты... Ты ведь не пришёл, чтобы успокоить меня... правда?.. — хрипло прошептал он, голос сорвался на последних словах.

— Успокоить тебя? — Фу Гэ посмотрел на него так, будто услышал самую абсурдную шутку в мире.

— Я бы предпочёл, чтобы ты сдох.

Альфа застыл, натянуто улыбнувшись, но в глазах полыхала пустота.

— Точно...

Ни торта, ни утешения, ни простого «с днём рождения», ни мягкого «тебе больно?» — ничего из того, что когда-то было доступно мистеру Мишке в восемнадцать лет, теперь больше не существовало.

Ци Ханю, которому было уже двадцать три, оставались только воспалённые железы, возлюбленный, который готов был перерезать ему горло при первой возможности, и долг, который уже никогда нельзя будет выплатить.

Силы окончательно покинули его. Он стиснул зубы, почти бессознательно опустил Фу Гэ на пол и, шатаясь, поднялся на ноги. Но, сделав шаг, тут же пошатнулся, едва не рухнув обратно.

Фу Гэ вонзил ногти в ладони так сильно, что побелели костяшки.

— Что, больше не хочешь продолжать? — фыркнул он, обнажая зубы в издевательской усмешке. — Разве господин председатель не любит это больше всего?

Он сдёрнул рубашку, оставаясь обнажённым, стоя перед Ци Ханем без всякой защиты. Но стоило только закрыть глаза, как перед мысленным взором вспыхивали те четырнадцать дней, когда его бросали на холодные простыни, ломали, унижали, заставляли кричать и молить о пощаде. И тогда ледяная ярость поднималась волной, угрожая сожрать его целиком. Под бронёй из злости и презрения скрывалась боль и страх.

А Ци Хань бессильно выдохнул:

— Прости... пожалуйста... Гэ...

Ци Хань шатко поднялся на ноги, бледный как смерть, и попытался оправдаться:

— Я не хотел... Я не собирался ничего делать. Тебе ещё рано... внутри ещё не всё зажило... Я

просто... хотел, чтобы ты меня обнял...

Он пробормотал это, неловко шевеля пальцами, но внутри уже знал правду.

— Да и даже если бы зажило... ты всё равно никогда не дал бы мне тебя коснуться.

Фу Гэ холодно фыркнул, на губах промелькнула ядовитая усмешка:

— Моё желание теперь вдруг так важно для тебя?

Он шагнул вперёд, резко отдернув воротник, показывая бледные, но всё ещё заметные следы на шее и талии — следы грубых поцелуев и узоров от пальцев. Голос его дрожал от ярости:

— Ты ничего не делал? А это что?

— Ты же сам этим наслаждался! Это не ты делал, да? Ты не смеялся, когда я корчился от боли? Ну же, зачем теперь притворяться жалким святошей?!

С глухим стуком Фу Гэ провёл рукой по столу, сметая всё на пол. Торт с восемнадцатью свечами перевернулся, а дешёвая музыкальная лампа в виде лотоса, что тихо играла «С днём рождения», покатила по полу и замолчала навсегда.

Ци Хань молча смотрел на всё это, будто окаменев. Он долго стоял так, не двигаясь, потом неуверенно сделал шаг к нему.

Но Фу Гэ вздрогнул и машинально отпрянул, крепко зажмурившись от страха.

Рука Ци Ханя замерла в воздухе. Он моргнул, быстро опустил глаза и, стараясь не дышать слишком резко, осторожно поправил на Фу Гэ рубашку, ни разу не коснувшись кожи.

— Иди спать, уже поздно. Завтра у тебя капельница, — тихо сказал он, голос был глухим и пустым.

Он потянулся к столу, где под кучей перевернутых вещей лежал спрятанный альбом с рисунками. Пальцы дрожали, когда он поднял его, и, прижимая к груди, медленно направился к выходу.

— Ты хочешь моей смерти — пробормотал он, глухо и почти бессознательно, будто сам не верил своим словам. — Когда ты поправишься, я дам тебе это. Всё, что ты захочешь, Гэ.

— Стой.

Голос Фу Гэ, прозвучавший за спиной, заставил его замереть. Сердце, и так разбитое в кровь, вдруг дернулось, будто в последний раз вспыхнув надеждой.

Может, Гэ всё-таки не хочет, чтобы он умер?..

Ци Хань повернулся, губы дрожали, в глазах застыло что-то болезненно-тёплое, едва заметная искра.

Но Фу Гэ смотрел на него холодно, как на грязь под ногами, и протянул руку:

— Отдай. Ты не имеешь права на него.

Ци Хань побледнел. Сердце, казалось, замерло и разлетелось осколками, оставляя внутри пустоту.

— ...Понял, — прошептал он едва слышно и, крепче сжав пальцами тетрадь, медленно протянул её назад, не поднимая глаз.

— Но ведь ты рисовал это для меня... - попытался он сказать хоть что-то, хотя прекрасно знал: ничего это не изменит.

Фу Гэ холодно посмотрел на него:

— Эти рисунки были для мистера Мишки.

Ци Хань попятился, голос его дрожал, а в глазах блеснули слёзы:

— Но я и есть мистер Мишка...

— Ты больше не он! — резко перебил его Фу Гэ.

Он рывком выхватил альбом, схватил зажигалку, которой Ци Хань зажигал свечи, и щёлкнул колесиком. Вжух! — сухие страницы мгновенно вспыхнули, пламя взметнулось вверх, жадно пожирая бумагу.

Ци Хань явно не ожидал такого. Не раздумывая, он бросился вперёд, чтобы вырвать горящий альбом, но едва его пальцы потянулись к обжигающему теплу, как Фу Гэ с яростью отбросил его ногой в сторону.

Дрожащие руки замерли в воздухе, и Ци Хань без сил опустился на колени, глаза его были пустыми и потухшими. Голос сорвался в жалкий шёпот:

— Гэ... ты хочешь уничтожить даже это?.. Это всё, что у меня осталось...

Фу Гэ холодно посмотрел на его склонённую голову, но сердце тянуло болью, будто кто-то резко дёрнул за натянутую струну.

— Это твоё прошлое, — бросил он зло. — А для меня это были одни сплошные кошмары, которые только и напоминали мне, насколько я был глуп.

Ци Хань тихо засмеялся, будто бы в полубреду, и поднял взгляд, глядя сквозь пляшущее пламя:

— Ах... так вот оно что.

В пылающем зареве, среди обугливающих страниц, исчезли доказательства того, что Фу Гэ любил его три года

<http://bllate.org/book/14453/1278320>